

СЧУВ
Е91
352

Ргий

Ефимов

ДУБРАВА

Национальная библиотека ЧР

к-023521

ГЕОРГИЙ ЕФИМОВ

ДУБРАВА

СТИХИ

ПЕРЕВЕЛ
С ЧУВАШСКОГО
АРКАДИЙ
КАНЫКИН

МОСКВА • СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1991

ББК 84 Чув7
Е 91

Обязат. экз.

ПРОВЕРЕН
20 10 06 ОКТ 2017

Художник Алексей ГАННУШКИН

4702710202—396
Е 083(02)—90 392—91

ISBN 5—265—02089—6

23521-кр
Чувашская
Республика
БИБЛ. ЕКА
им. М. Горького

Перевод А. Каныкина, 1990

KAKUE-

В путь пора...

Мне в путь уже пора, но тучи
Нависли тяжко над двором,
Прорезался огонь летучий,
И грозно раскатился гром.

И хлынул ливень небывалый.
Куда ж идти? Но вдруг с высот,
Негромкий, как комарик малый,
Подад мне голос самолет.

Вот так всегда! Пока метели
Пережидаем и дожди,
Уже иные полетели
И одолели полпути.

Зовут дела, зовет дорога,
Но у крыльца клубится мрак.
И как непросто от порога
Дается самый первый шаг.

* * *

Есть мертвая вода, а есть живая.
Одна порождена полночной тьмой
И движется беззвучно, убивая
Все встречное свинцовою волной.
Другая весела и светоносна,
Живительным рассветом рождена,
Питает неизбывной силой росной
Сердца детей родной земли она.

Есть злое и есть праведное слово.
Одно калечит и гнетет людей.
Другое — хлеб духовный для людского
Ума и сердца, распрямить готово
Униженного, обрести друзей
Оно поможет для пути благого.

Есть клеветник,
Есть человек правдивый,
Один повсюду сеет зерна зла.
Другой — звезда над благодатной нивой,
Судьба его — работы терпеливой
Звезда, неутомима и светла.

Есть ложь, и правда есть.
Силки обмана
Не позволяют двигаться вперед.
Грядущее за правдой долгожданной,
Но путь ее нелегок из болот
Клевет и сквозь застойные туманы.

Есть разрушитель, есть творец. Один
Проносится по жизни, до седин,
Подобно смерчу, щедро сея беды.
Когда носитель зла сойдет во тьму,
Никто к его могильному холму
Не подойдет —
Пусть он знает это.
А доброму деянию творца
Людские раскрываются сердца.
Его работа — песня созиданья
Не растворится в прожитых годах,
Но эстафетой добрых пожеланий
Звучать у внуков будет на устах.

Обычай

Поныне старики в деревне
Прадедовский обычай чтят:
Готовясь к трапезе вечерней,
Тайком хозяйка кинет взгляд
С крыльца в заречье и заполье
И тихо молвит:— Приходи!..

И голос крова и застолья
Отца ли, сына, что в пути,
Найдет, и путник в отдаленье
Услышит сердцем этот зов.

Бредешь порой в изнеможенье,
Пасть от усталости готов.
И вдруг души, незримо грея,
Касается издалека:
— Мы ждем, сынок, приди скорее,
Все собрались у очага.

И вроде бы идти полегче,
Усталость вроде бы прошла.
И словно чуешь издалеке
Родник домашнего тепла.

Творите жизнь

Когда заря степенная встает,
Великий свет к нам движется волнами.
В родстве моя земля и небосвод
И заняты едиными трудами.
Уходят наши корни в глубь земли,
А солнце призывает нас в высоты,
Стараясь, чтобы крылья обрели
Людские повседневные заботы.
Питают корни соками хлеба,
От солнца на цветах шербет медовый.
Пусть слышит, человек, твоя судьба
Небес высоких солнечное слово.
Пусть, что бы ни случилось, никогда
Не тянутся к высотам небосвода
С земли невзгода, горечь и беда,
А только жизненный стебель всхода.
Пусть никогда с заоблачных небес
Не падает на твердь земную горе.
Творите жизнь —
Превыше всех чудес,—
Земля и неба солнечное море.

Надежда и терпенье

На полустанке одинокий пес
Замешкался у нашего вагона
И глянул так на окна удивленно,
Как будто ждал ответа на вопрос,
Куда и для чего спешит народ
И что ему на месте не сидится.
А может быть, хозяина он ждет,
Уехавшего по делам в столицу.
Кто ведает, что на душе у пса
И отчего, когда темно и строго
Заглядывает он в твои глаза,
Становится не по себе немного.
Отправился в маршрут электровоз,
И двинулся в окне перрон в былое.
Прощай навеки, одинокий пес,
Навряд ли вновь увидимся с тобою,
Шел поезд наш резвей и веселей,
А все была в глазах моих картина:
Заглядывает пес в глаза людей,
Спешащих мимо станции пустынной.
Неси свое дежурство и свои
Вопросы задавай.
Того не зная,
Ты знак добра и верности любви,
Которых вечно ждет душа людская.
Как нужно нам,
Чтоб так же ждали нас!
И вспомни в миг безверья и смятенья:
На дальнем полустанке в этот час
Вершится акт надежды и терпенья.

Жить не умею?

Жить, быть может, не умею?
Спотыкаюсь на пути,
До седины не разумея,
Как невзгоды обойти.
Неужели я напрасно
Не заспинно, не заглазно
Говорю в глаза упрек
Лоботрясу, ротозею?
Надо ли мне быть умнее —
На замок закрыть роток?

Разве всякое начальство
Может мирно перенести,
Чтоб показывали часто
Все ему, как в жизни есть?
Не поверю, что виднее
Сверху жизнь моя ему.
Без его приказа сею,
Сам и урожай сниму.

Не подумайте, не строю
Из себя для вас героя.
Я обычен. Никогда
Против ветра, право слово,
Не вздымаю я полосу.
А случается беда
(К сожаленью, гость нередкий) —
Плакать каждому в жилетку
Не в характере моем.

Если кто-то, злясь упрямо,
Роем мне, по слухам, яму,
Горько думаю о нем:
Разве мудрость вековая
Для него пустая ложь:
Роешь яму, зла желая? —
Сам в ловушку попадешь.

И задумываюсь снова:
Чем того или другого
До обиды так довел,
Что, забыв о всякой чести,
Строят планы грязной мести
И готовят много зол?

И с самим собою споры
Длятся долгие года:
Верен в жизни путь, который
Выбрал раз и навсегда?
Что, другой дороги нету —
И честнее, и прямой?..
И настойчиво ответы
Жду от совести своей.

* * *

Чего нам не хватает? Вечно
У нас причины для обид,
И мучает нас бесконечный,
Неистребимый дефицит.
Ворчим, мол, тó не так и это.
Одно возьмем — другого нет.
Готовы обойти полсвета,
Чтоб на вопрос найти ответ.
Посеем — и волнуясь, ждем мы:
В страду заполним закрома?
Заполнили, достаток дома,
А мы тревожимся: зима
Пройдет — и начинай сначала
Работы и волнений круг.
Да что там! На земле немало
Хлопот, а потянуло вдруг
Освоить звездные орбиты,
Расправить крылья в небесах,
Живешь в тепле, комфортно, сыто.
Откуда ж у тебя в глазах
Огни тревожные и что-то
Вкусить покоя не дает?
Не зря нам нужен за работу
Не только хлеб, но и почет.
А разве не загадка, если
Ты полюбил и лад в семье,
Но вдруг совсем иную песню
Услышал сердцем на земле
И сразу всё напропалую

Ломаешь и твердишь: развод,
Перечеркнув любовь былую.
Что не хватало?
Кто поймет?
И отчего при изобилье
Всех мыслимых на свете благ
У нас ослабевают крылья
И застилает душу мрак?
Кто может объяснить такое?
Какие — мы?
Зачем судьбой
Предписано, что,
Вняв покою,
Мы быть перестаем собой?

* * *

Для блага отчей стороны —
Полей, лугов, селений —
Наказы дедов не должны
Мы предавать забвенью.

Сажай деревья вдоль реки
И рощи по оврагу.
Со всей округи в родники
Лес собирает влагу.

А по зиме не даст снегам
Лететь куда попало,
Чтоб вдоволь всем полям, лугам
Воды в жару достало.

Надежней леса друга нет
У работяги — поля.
Призывный излучает свет
Пшеничное раздолье.

И к лесу, радости полна,
Золотокрылой птицей,
Чуть ветерок, летит волна
Ликующей пшеницы.

* * *

«С прозрачною песней высокой
Между камышом и осокой
Струится речная волна.
Как шумные майские воды,
Между добротой и невзгодой
Прошла нашей жизни весна» —
Так пели, понурясь в печали,
В застолье в селе старики.
Казалось нам, тьму излучали
Их слезы разлучной тоски.
Мы молоды были в ту пору
И знали тогда наизусть
О прожитом их разговоры,
В которых всё — горе и грусть.

И я не заметил, как деды
В одном постепенно сошлись —
Что все пережитые беды
Не слишком им портили жизнь.
А всяческие незадачи
Должны быть у всех, а иначе —
Жизнь гладкая, словно гумно,
Где так утрамбована плотно
Землица, что стала бесплодной,
На ней не пробьется зерно.
И надо смириться, что беды
Любого из нас стерегут...
Об этом ли грустные деды
С надрывом в застолье поют?

Я вспомнил теперь, через годы,
Тот самый старинный мотив
Про шумные майские воды
И буйный весенний разлив.
Мне тоже досталось жестоко,
Но так же, светла и нежна,
Между камышом и осокой
Струится речная волна.
И глядя в былое туманно,
Как все, об одном загрустил:
Не все молодецкие планы
Закончить хватило мне сил.

Не с этой ли вечной печалью
Мы сами, уже поседев,
Встречаем, как деды встречали,
Протяжный старинный распев?
Песнь, трогая душу глубоко,
Правдива на все времена:
«...Между камышом и осокой
Струится речная волна».

Июнь

Июнь — цветы, цветы и птичьи песни.
В июне долог день, ночь коротка.
И жаворонок свищет в поднебесье,
Споспешествуя росту колоска.
Пронизаны луга пчелиным гудом,
Медовый источают аромат.
Девичий смех разносится над прудом,
Когда уходит солнце на закат.
Прекрасны девы,
Жизни и веселья
Полным-полны их стройные тела,
Омытые в живительной купели.
Струятся волны света и тепла
С небес —
Неизъяснимой благодатью.
Пленительны движенья юных дев.
Вздохнула ли дубрава на закате,
Но ветерок скользнул среди дерев.
Окончены весенние работы.
Пустынно в поле.
Только допоздна
От ветерка, колеблющего всходы,
Фисташковая стелется волна.

23521-кз

Иду вдоль поля в сторону заката.
Не потому ли вспомнил дни любви,
Что здесь бродил я с девушкой когда-то?
Теперь один. Поля — друзья мои —
Почувствовали мой мотив печали,
И, чтобы на иной настроить лад,
Повеяли гречишным медом дали.
Постой! Откуда этот аромат?
Все отцвели сады. А там — гречиха?
Ишь ты! Она. Цветет, белым-бела.
Земные соки впитывает лихо,
Чтоб потрудилась не зазря пчела.
У нас в селе говаривали деда,
Что гречневая каша — хлебу брат.
Быть меду знатным!
Разве не на это
Духмяный намекает аромат?
Хотя мне нынче очень одиноко,
Земная утешает благодать.
И значит, мне, торя свою дорогу,
И радости случится испытать.
Признаюсь, так порой бывает трудно!..
А это кто?
Опушкою, в тени,
Влюбленные идут.
Кого-то смутно
Из прошлого напомнили они.
Пускай идут...

Тревожить их не надо
Ни окликом, ни взглядом оттого,
Что им идти к рассвету, мне — к закату.
Но — на кого похожи? На кого?..

Как жадно крохотный росток
Под солнцем ищет место!..
Великолепен и широк
Пред нами мир окрестный.
Отрада для души и глаз,
По убежденьям нашим,
Таким был создан мир для нас
И празднично украшен.
И лес, и поле, и отрог,
Река под солнцем ярым,
И самый крохотный росток —
Всё для людей,
Всё даром!
Ах, как удобно думать так!
Сорвем цветок красивый —
Подумаешь, цветок!
Пустяк!
Другой взрастет на диво.
И рвем и топчем всё кругом,
Но встанем почему-то,
Случается, перед ростком
С неясной в сердце мутой.
И удивленно разглядим,
Что тот росток безвестный
С упорством истинно людским
Под солнцем ищет место.
И не считаться с ним нельзя,
Чтоб на земле прекрасной
Остаться нам людьми, друзья...
А вы со мной согласны?

* * *

Жизнь куражилась над нами,
Гнула чуть не до земли.
Как ни тяжко временами
Было,— всё перенесли.

И надеялись напрасно,
Что настанет день такой —
Даль сквозная будет ясной,
Обретем в душе покой.

Есть ли в завтра путь ковровый?
Я не знаю этот путь.
Не трудился до седьмого
Пота — что ж, не обессудь.

Мне таиться нет причины:
Имени не посрамил,
Никогда к большому чину
За подачкой не ходил.

Сроду о доходном месте
Не мечтал. Всегда имел
Я товарищей — по чести
И любил — кого хотел.

И без скромности натужной
Поделиться нынче рад,
Что всю жизнь взаимной дружбой
И любовью был богат.

Сеял хлеб и холил поле,
Брал по осени зерно.
Не от тех трудов раздолье
Будним помыслам дано?

Там я понял: люди в силе
Испытать все чудеса.
Распластай, дружище, крылья —
И смелее в небеса!

Не забудь, что слишком нежных
Беспощадно жжет мороз.
Я хочу, чтоб, как подснежник
Из-под льда, ты смело рос.

Не дано в судьбе отсрочки.
Сколько б ни было невзгод,
Сам, разравнивая кочки
На пути, спеши вперед.

И деяньями благими
Озаренное, собрат,
Ты оставишь людям имя.
В мире выше нет наград.

* * *

Парю над равниною пестрой
С могучим орлом наравне.
Любуюсь красавицей звездной,
Что вечно живет на Луне¹.

Без крыльев — парю окрыленно.
Но вот налетела гроза,
Сбивая меня с небосклона,—
И я открываю глаза.

Как в юные годы когда-то,
Летал я, выходит, во сне.
Да, в юности были крылаты
И чувства, и мысли во мне.

А нынче, когда я с потертой
Шубейкой сравню себя сам,
Вновь тянется к радости гордой
Полетов душа — к небесам.

Небесный простор неоглядный
Призывен, как дали земли.
Крылатые сны так отрадно
Не зря меня снова нашли.

¹ Чувашская легенда гласит, что на Луне есть девушка с коромыслом.

Есть, значит, во мне еще сила,
Мечты не сгорели дотла.
Родная земля окрылила
И властно в поля позвала.

* * *

Хотя б однажды видел ты,
Как пробуждаются цветы?
Нет? Просыпайся с соловьем,
Понаблюдай за ними.

И если хмуро будет днем,
С дождями ледяными,
Не раскрываются они,
Стремясь от дуновенья
Прохлады спрятаться в тени
Соседнего растенья,
Тревожно из-под лепестков
Следя за стаей облаков.

А если будет на дворе
Отменная погода,
Об этом знает на заре,
Должно быть, вся природа.

И весело во все глаза
Цветы глядят на небеса.
И каждый трепетный цветок
Становится прямее,
И чувствуется, жизни сок
Струится в нем сильнее.

Не схожи с ними разве мы?
И нас предощущенье

Невзгоды — этой зябкой тьмы —
Не вводит ли в смятенье?
И разве мы не узнаем,
Не объяснив приметы,
Что празднично накроет дом
Волной тепла и света?

* * *

«Больше всех на свете надо?
Вечно всюду нос суешь.
Врежут как-нибудь — тогда ты
Только, может, жизнь поймешь! —
Говорит товарищ часто
Дружески в моем дому.—
Не бросай камней в начальство,
Нечего хамить ему».

Друг во многом прав, наверно,
И ясна печаль его.
Но когда начальник скверно
Поступает, никого
Не стыдись? Когда надменно
Воздвигает меж собой
И людьми стальную стену —
Не пробьет снаряд любой?
Если глупостью своею
Сводит многих труд на нет?
Если для него умнее
И резоннее совет
Подлеца и подхалима,
Мастеров интриг и лжи?
Проходить спокойно мимо,
Заглушить приказ души?
Я смолчу, и ты, и третий —
Промолчит, а дальше — что?
Так и будет в кабинете
Он всеильным, и никто

Не возвысит голос честный?
Как подумаю о том,
Сердцу холодно и тесно
И постыло всё кругом.
Так становится обидно
За такую боль свою,
Перед сыновьями стыдно.
И тогда... тогда — встаю.

* * *

Смотрю я с волжской кручи на Остёр.
Его огни над вещью Десною
Напоминают тлеющий костер,
Высвечивая в памяти былое.

И тянутся к чувашской стороне
Его лучи, как будто бы созвездье
Настойчиво старается ко мне
Пробиться сквозь года с заветной вестью.

И в этих переливах световых
Мне слышится все явственней и четче
Любимый с детства сеспелевский стих,
Цветком расцветший на ладони ночи.

Спит Миша Сеспель¹ над Десной-рекой,
Склонилась песня над его могилой.
И Украина бережет покой
Певца земной неистощимой силы.

¹ М. Сеспель (1899—1922) — основатель чувашской советской поэзии, похоронен на Украине в г. Остёре.

* * *

С самим собой наедине
Побывать в тиши хотелось мне.
Пошел бродить по лугу.
Но взвился голос дергача,
Бездомный ветер сгоряча
Толкнул меня упруго.
Перекликаясь на бегу,
Со всех сторон —
Цветок к цветку —
Толпой спешили тесной
Соцветья, и с улыбкой вдруг:
— Плети венок,—
Мне крикнул луг,—
Для девушки прелестной!

С самим собой наедине
Побывать в тиши хотелось мне.
Я вышел на равнину.
Но жаворонок с высоты
Окликнул: — Что задумчив ты? —
А тучный колос длинный
Коснулся вежливо меня —
И краски солнечного дня
Пустились в пляс задорный.
И колос прошептал:— Сюда
Приди, когда грядет страда,
Нальются соком зерна.

С самим собой наедине
Побыть в тиши хотелось мне.
Пошел гулять дубравой.
Но протянул мне ветку вяз,
А из-под солнца грянул бас:
Хозяин седоглавый —
Дуб-великан велел беречь
Дубраву, и с широких плеч
Его на все просторы
Родной земли —
И вширь и ввысь,
Восславив солнце, лес и жизнь —
Гремели птичьи хоры.

Прохиндей

Явный жулик, а живет
На виду у всех на славу.
Почему не мог народ
На него найти управу?

Кто ответит? Как же так?
Кажут пальцем все на вора,
А добро он, как хомяк,
Шустро стаскивает в нору.

Словно любит вкусно есть
Он один на белом свете.
Что ему людская честь!
Что такому лихолетье!

К сожалению, — когда
Заберут его в темницу,
Кто-то скажет: «Вот беда» —
И, возможно, прослезится.

Без опаски прохиндей
Воровал у государства
И обкрадывал людей
И теперь стал вдруг —
«Несчастный»?

Надобно за воровство
Обрубить такому руки
И в тюрьме обречь его
На неслыханные муки!

Так я был — страшной суда,
Гневом праведным пылая.
Отчего же вдруг, когда
Продавщица молодая,

Что соседкой мне была,
Здорово проворовалась,
У меня в душе возшла
К ней непрощеная жалость.

Каждый знал у нас в дому,
Что соседка воровала.
Но нельзя ж вот так — в тюрьму!
У нее ребенок малый.

И когда пришли за ней,
Мы подавленно молчали —
От стыда и от печали
Каждый в комнате своей.

Миниатюры

* * *

Пресен даже борщ мясной
Без краюхи аржаной.

* * *

Если нету на столе куска
Хлеба, стол не стол, одна доска.

* * *

— Не поев, не запоешь.
— Весел стол в дому, когда
Щедрая на нем еда.
— Разве стол для свадьбы гож,
Если красен он одной
Родниковою водой?
— Хлеба нет — не до цветов...—
Дед, известный острослов,
Так свою закончил мысль:
— Хлеб насущный — это жизнь.

* * *

Красота цветов и аромат
Разве только пчел одних манят?

* * *

Если ты носишь за пазухой камни,—
Хоть эту ношу таскать нелегко,
Вряд ли за вредность подобной работы
Можешь рассчитывать на молоко.

Синицы

Видно, за морем синицы
Вправду море подожгли,
И тепло огня струится,
До моей дошло земли.

Наши тоже на свирели
Заиграли, вьюге в лад.
Значит, скоро жди капли
И начнется светопад.

И придет пора святая —
Потрудиться над гнездом.
Ах, забота непростая
Свить вдвоем уютный дом.

Песня кроткая синицы
Всем и каждому слышна.
Можно ли не удивиться,
Что опять придет весна?

* * *

Жизнь ни в чем поблажки не давала,
Да и нынче спуску не дает.
Словно испытаний было мало,
На пути колдобины невзгод.

Поглядишь на прожитые годы —
Чаще, как от яблока-дичка,
Было кисло-горько.
Ложкой меда
Любовались мы издалека.

Что ж теперь, понуриться пропаще,
На себя и все махнуть рукой,
Если трудно в жизни настоящей,
А на свете жизни нет другой?

И ее крутые развороты
До конца не обещают нам
Дней без огорченья и заботы,
Праздного безоблачья сердцам.

Жизнь жестока,
Но не в этом драма.
Трудно даже сильному пройти
Только прямо,
Сквозь невзгоды — прямо
Все ее петлистые пути.

* * *

— Как живете? — мимоходом
Вопрошаем. Шуткой плоской
Отвечаем: — По погодам...
В черно-белую полоску...

Если говорить серьезно,
Хорошо бы жить подольше,
Но и в старости морозной
Совладать с житейской ношей.

Не коптить напрасно небо,
А, по клиникам не маясь,
Поработать на потребу
Сердцу — и друзьям на зависть.

Жить просторно и открыто,
Сторонясь любых бесчестий,
Чтоб была моя орбита
Всем насквозь видна, как песня.

Не ослабив потрупеи,
Быть в строю,
С невзгодой споря,
Побеждая, как умею,
И сомнения и хвори.

И не для посмертной славы,
А для самоуваженья
Знать, что в закромах державы
И мои есть накопленья.

Что? — наивные расчеты?
Так мечтают только дети?
Пусть наивность для кого-то,
Мне — пример на белом свете.

Не поддаваться б искушенью
Стать чванливым верхоглядом.
Чутко на расположенье
Отвечать душевным взглядом.

Не сердиться на упреки,
Если правда в их основе.
И не строить план жестокий
Мести, мучась жаждой крови.

И в любви остаться надо
Человеком, чтоб печали
Злобы, ревности, разлада
Над тобою верх не взяли...

Устаю, но не скучаю,
Страдный путь одолевая...
— Как живете? — Отвечаю:
— Здравствую — и вам желаю...

* * *

У каждого наверняка
Вполне довольно сил
Расчистить лоно родника
И смастерить настил.

Как только в желобе вода
Кристалльно запоет,
С пустыми ведрами сюда
Потянется народ.

И помянут добром того,
Кто, может, много дней
По зову сердца своего
Работал для людей.

Но как ведется испокон,
Забудется, когда
И кем родник был отворен.
И это не беда.

Лишь только бы звенел родник,
Глубинных полон сил,
Не иссякая ни на миг,
И радость приносил.

Снежная песня

От земли до поднебесья —
Снег порхающий, и вдруг
В том порханье — тихой песни
Различаешь нежный звук.

Мягко сходит он с пластинки,
Не известной никому,
И снежинки-ба теринки
Подчиняются ему.

Хорошо под этим снегом
Прогуляться по тропе
Одному ли, с человеком
Самым близким по судьбе.

Век смотреть — не насмотреться:
Искры белые летят,
Завораживая сердце,
Завораживая взгляд.

На танцующие выси
Смотришь ты —
И, как во сне,
Беспричинно в сердце мысли
Вызревают о весне.

И сквозь снежные завесы
Прозреваешь ты вокруг
Шелестящий голос леса
И поющий майский звук.

Может, что-нибудь иное
Зазвучит светло в другом —
Обязательно родное,
Обязательно — добром.

Снегом ласковым напега,
Гипнотически кружась,
Песня радости и света —
И в тебе отозвалась.

Первая бабочка

Первая бабочка... Значит, весна
Зиму в овраги с полей потеснила.
Снег ноздреватый собрался у дна,
Прячась от солнца. Незримая сила
Копится мало-помалу в полях,
Чтоб перелиться в грядущее семя.
Рожь просыпается, в сонных корнях
Токи земные поплыли, а время
Двигается день ото дня веселей.
Солнцем весенним раздвинуты дали.
Таинства, что происходят в земле,
Радостной свежестью все пропитали.
Все мы весною чудесного ждем,
Свет овекает весеннюю душу...
Первая бабочка нежным крылом
Гонит с округи последнюю стужу.

Люблю вспоминать, как гоняли
Мы в детстве в ночное коней.
Манило нас в дальние дали
Дорогою Диких Гусей¹.

Когда пробирала прохлада
И тьму нагоняли ветра,
Дарили теплом и отрадой
Нас жаркие песни костра.

Мешались в рассказах задорно
Быль с небылью — кто разберет?
И на сердце было просторно,
И звездами цвел небосвод.

Под утро от игр уставали.
И сказок чудесных полны,
Глаза нам, бывало, смыкали
Простые, веселые сны.

Вставали с рассветною песней...
На многие годы от нас
Тогда отступали болезни
И множился силы запас...

Сегодня почти подчистую
Коней извели на селе.

¹ Так чувашаи называют Большую Медведицу.

Лишь только гармонь Агатуя¹
Для всех прозвучит веселей,

Когда колокольчик поддужный
Рассыпчато ей подпоет.
В век техники все-таки нужно,
Чтоб был аргамачу почет.

Скакун не помеха машине.
Кто вычислить может сейчас
Все добрые чувства, что ныне
Ушли с безлошадьем от нас?

К добру ли потери такие?
У взрослого и у юнца
В селе безлошадном людские
Заметно черствеют сердца.

Что скажут когда-нибудь внуки
О том, как на наших глазах
Старинной культуры в округе
Пласты превращаются в прах?

Машина машиной, известно...
Но хочется только ли мне,
Чтоб ехал жених за невестой
На гордом, нарядном коне!

¹ А г а т у й — праздник окончания весеннего сева.

* * *

В мое окно вплыл месяц молодой —
И слышу вдруг участливое слово:
— Я знаю, породнился ты с бедой,
А нужно приучаться к жизни новой.
Как ни тяжка утрата, одному
Пропасть недолго.
Киснуть так негоже.
Трудись — и труд смягчит на сердце тьму
И совладать поможет с грустной ношей.
Жить надо, жить!
И может быть, опять
Твоей душе любовь прибавит света.
— О чем ты говоришь?
Легко давать
Пустые обещанья и советы.
— Пустые? Почему они пусты?
Жизнь движется,
Рубцую наши боли.
Движенью жизни не препятствуй ты,
И не в твоей, поверь мне, это воле.
Жить надо, жить!
Через какой-то срок
Боль сменится глубинною печалью.
И, может быть, опять на твой порог
Взойдет любовь с заветными речами.
— Откуда ты все знаешь наперед?
Моей утрате утешенья нету.
— Есть, к счастью, есть.
Я со своих высот

Из года в год повсюду вижу это.

Так есть и будет.

Так заведено:

Надеждою жива душа людская.

И если нынче зябко и темно,

То завтра, утешая, согревая,

И для тебя затеплится рассвет.

— Ты думаешь?..

— Не думаю, а знаю.

Иной дороги человеку нет,

И не помеха ей печаль святая.

И я увижу радостным твой дом.

Трудись — в беде

Нет лучшего лекарства...

Все стихло и погасло за окном,

Зашелестел печальный дождик частый.

И туча, месяц пологом застав,

Неслышно проползла по небосводу.

Как знать, возможно, юный месяц прав —

И жизнь всегда сильнее любой невзгоды.

Что ж, поживем — увидим, а пока

В душе и за окном тоска, тоска...

Молитва

За все, что на своем пути
Я совершил дурного:
Поступки злые, злое слово,—
Прости.
Не видеть бы горючих слез,
Вскипавших по моей вине.
Все горести, что я принес,
Пусть даже ненароком, мне
Прости.
Словесный и житейский блуд,
Пустую мысль, никчемный труд
И с совестью любой разлад —
Все, все, в чем только виноват,—
Прости.
Пером не лгал я никогда,
Но почему же я тогда
Иное, в прошлые года
Написанное, без стыда
Прочесть не в силах — вот беда.
Прости...

Не нарушайте

Пульсирует из-под земли
Родник неугомонный.
Когда б его не сберегли,
Засохли б ветви клена,
Чьи корни оmyвает он
Животворящим соком.
Сбежали бы растенья вон,
И в танце одиноком
Гонял бы ветер по нагой
Земле пригоршни пыли.

Пульсирует родник тугой,
Светлы его усилья,
И песня звонкая светла.
Клен подпевает важно,
Казалось, в такт гудит пчела
И веет ветер влажный.
Здесь чувствуется, как нигде:
Слагает мир окрестный
Кристалльной ключевой воде
Гимн радости небесной.
Здесь чувствуется:
Мир един,
Все связано на свете.
Волшебной силою глубин
Насыщены соцветья.
Как заклинание, склонясь
К ключу, твержу я слово:
Не прерывайте в мире связь —
Ничем! — всего живого.

МАКОВ ЦЕП

* * *

Рождается в душе щемящий звук —
Застенчиво, негромко и нежданно.
Не тайна разве? — возникает вдруг,
Как будто из подспудного тумана.

Его рожденья не предскажешь ты.
И словно из наплывшей тучи черной
Ударит свет в разломах темноты,
Рассыпав животворных капель зерна.

И ты по-детски бескорыстно рад,
Следя со странным чувством отстраненным,
Как этот звук, свободен и крылат,
Летит между землей и небосклоном.

И молния сверкнет, ударит гром,
Дождь прошумит по жаждающим посевам.
И звук, волшебным вспоенный дождем,
Расширившись, становится напевом.

Понравится ли он земле родной?
Услышан ли он будет земляками?..
Вновь чист и ясен небосвод сквозной,
И песнь летит незримо над холмами.

* * *

И мне путь к счастью не заказан,
Хоть одолел недуг меня.
Я за часами зорким глазом
Слежу — ведь ты к исходу дня
Должна прийти.
Но дух сомненья
Нашептывает за спиной,
Что для тебя, мол, к сожаленью,
Неинтересен я — больной.
Но добрый дух благою вестью
Меня одаривал: «Вот-вот
Твоя желанная придет».
И благодетельней новость есть ли?

Придешь — скажу я:
«Что угодно
Придумывай, но навсегда
Останешься, придя сюда.
Так я решил бесповоротно».
Что скажешь ты?
Увы, неясно.
Но хочется мне думать, что
Ты улыбнешься: «Я согласна.
И нас не разлучит никто!»

Я верю —
Так и будет это.
Как, милая, ты хороша!
От твоего воспрянет света

Моя пожухлая душа.
И подивятся Чебоксары,
Сойдутся тысячи людей
Взглянуть:
Как звезды, вспыхнут ярко
Все окна комнаты моей.
Не будет праздника чудесней.
И он произойдет у нас
Наверняка, но только если
Ты, милая, придешь сейчас.

Открытое окно

Вечеру в былую пору
Шел к подруге, и она
Здесь ждала меня за шторой
У открытого окна.

Из-за веток вишни пышной,
Что густела под окном,
Окликал ее чуть слышно
Торопливым шепотком.

Если вздрагивала штора,
Заходил я смело к ней.
Если нет, по уговору
Шел дорогою своей.

Так она меня встречала,
Что на сердце всякий раз
Песня иволги звучала,
Памятная посеючас.

Если ссорились порою,
То закрытое окно
Виделось мне как слепое,
Беспросветное пятно...

И прошли десятилетия
Обретений и потерь.
Вспомнились события эти
Мне негаданно теперь:

Здесь, на улице знакомой,
Через годы все чудно.

Но замедлил шаг у дома,
Где заветное окно.

Настежь, как тогда, открыто,
Но ничто не застит свет:
Вишни нет непозабытой
И в проеме шторы нет.

И ребячий гомон дружный
Буйно плещет из окна.
Для чего я встал?
Что нужно?
Память ли раздражена?

Вдруг в окошке появилась
Женщина:— Вот это да!
Гость! Входи же, сделай милость.
Не забыл путей сюда?

Ей — не нынешней, давнишней —
Отвечаю невпопад:
— Жалко, что усохла вишня.
Жалко, что года летят...

Что еще могу ответить?
Что разрублено, опять
Никому еще на свете
Не было дано связать

Знаю: любишь и любима,
Долгу искренне верна.
Но побыть необходимо
У раскрытого окна.

Что при этом вспомнишь, дела
Никому нет — твой секрет...
Жаль, что юность пролетела.
Жаль, что вишни больше нет.

Свадебная дуга

Я чувствую, ты где-то рядом,
Не может быть, чтоб до сих пор
Тобою не был я угадан.
Предполагаю всякий вздор:
Испытываешь, мол, терпенье.
Сама-то знаешь — для чего?
Что, глядя на мое мученье,
Испытываешь торжество?
Да нет, не может быть того.
Прости такое подозренье.

Узнать ли хочешь ты глубины
И прочность нежности моей?
Да, плачут иногда мужчины,
Таясь стыдливо от людей.
Не дай-то господи придется
Такие слезы подсмотреть.
Мужчина плачет —
Гаснет солнце.
Мужчина плачет —
Стонет твердь.

Так что же делать мне?
Теперь я
Всё размышляю о поверье,
Что свадебная есть дуга
Для каждого из нас с рожденья.
Так не дождемся ли, пока
Она сломается?

Прощенья
Не будет ни тебе, ни мне.
А наказание ужасно...
Без разницы — по чьей вине.
Но, может, говорю напрасно
И ты сейчас уже в дороге.
И разом с сердца схлынет мгла,
Когда ты встанешь на пороге
И тихо молвишь:
— Я пришла...

Черемуха

Кудесит весна над равниной.
Как девушка в белом платке,
На звонкий призыв соловьиный
Черемуха вышла к реке.

Поют ли узорные листья,
Поет ли в ветвях соловей?
Поют ли черемухи кисти,
К душе обращаясь твоей?

Захвачен чудесным мотивом,
Весенние кисти не рви,
Счастливица подарком счастливым
В свой срок наградят соловьи.

Колебля душистые травы
На этом речном берегу,
Однажды появится пава —
Красавица в белом платке.

Почувствуешь в сердце смятенье,
Замрешь на прибрежной тропе:
Покажется дева весенней
Черемухой белой тебе.

* * *

Недолго уголь рдеет под золой.
Остынет и погаснет навсегда.
Золу молчанья сыплешь ты на мой
Огонь души немалые года.

Что ж делать мне? Куда с моей тоской
Податься? Быть вдали тебя — беда.
Куда б ни улетел, в предел родной
Заставит возвратиться зов гнезда.

Нет потому отсюда мне пути.
Пускай не скажешь ты: — Не уходи! —
Я верю, что печальная зола
Дыханьем ветра будет сметена.
И вновь тебя окутает волна
Живительного света и тепла.

Верю в это

В твоих руках мелькают спицы.
Одной легко ли превозмочь
Томленья духа?
Длится, длится
Разлучная, глухая ночь.
Мелькают спицы слишком споро,
Сплетая день за днем в года.
Давнишние твои укоры —
Как застарелая беда.
Моя вина, что мы не вместе,
Повыцвела за далью дней.
Ты столько лет желанной вести
Ждала — все горше и грустней.
Ты знаешь, веские причины
На это были у меня.
Не легче оттого кручина...
Мелькают спицы, чуть звеня.
И длится, длится ночь разлуки,
Суровая струится нить.
Мы так мечтали друг о друге,
Мы так мечтали вместе быть!
Ну, потерпи еще немного.
Распутается весь клубок.
В мечтах давно моя дорога
В твой упирается порог.
Разлука, словно сон недужный,
Останется в ночи глухой.
Терпения набраться нужно
Еще немного, ангел мой.

И радостью все разрешится.
Я верю в это!..
А пока
Пусть трудятся на славу спицы
И будет нить судьбы крепка.

Маков цвет

Радовались мать с отцом:
Дочь у них была прелестна,
Совершенства образцом.
Стала девушка невестой.
И со всех сторон села
Зачастили к дому сваты.
Всем отказ!
Чего ждала?
Чтобы в царские палаты
Принц ее хозяйкой ввел?
Не найти такого принца,
Обойди хоть тыщу сел,
Хоть державную столицу!
Время шло — за кругом круг.
Справив свадьбы удалые,
Обрели себе подруг
Женихи ее бывые.
Начал хмуриться отец,
Мать упрашивала слезно:
— Сделай выбор наконец.
Срок пропустишь —
Будет поздно.
— Вот еще! — она в ответ. —
Поманю — любой примчится.
Говорят, я маков цвет,
И нельзя мне ошибиться.

Посреди таких забот
Не заметили, что сваты

Появляться у ворот
Стали реже, чем когда-то.
Долго ли красотке цвеств,
Приводя парней в смущенье?
Повезет ли ей?
Бог весть.
Да и что оно, везенье?

Скажи, красавица

Буран грохочет, сам себе
Слагая гимн заздравный.
И солнце лишь в разрывах туч
Мелькает временами.

— Скажи, красавица, скажи,
Что будет завтра с нами?

— Когда безоблачные дни
Придут, все будет славно.

Неся черемуховый цвет,
Сады к дорогам вышли.
Под ветром вишни шелестят
Озябшими ветвями.

— Скажи, красавица, скажи,
Что будет завтра с нами?

— Все будет хорошо, когда
Цветы раскроет вишня.

Бушует по всему селу
Пожар неопалимый:
Покрыты ветви яблонь сплошь
Багряными огнями.

— Скажи, красавица, скажи,
Что будет завтра с нами?

— Кто любит искренне, не ждет,
А шлет сватов к любимой.

Мы шли орешником вдвоем.
И осень голосами

Лесов и нив шептала нам:
— Снять урожай спешите...—
И молча смотрит — навсегда
Уже в моем зените —
Возлюбленная на меня
Горячими глазами.

Не печалься

Не печалься.
Все твои печали
Проникают издали ко мне
Сквозняками зябкими — ночами,
Смутными виденьями в окне.

Не печалься.
Вздох твой бесприютный
Невесельем обдает меня.
Ощущаю, словно жар минутный,
Взгляд твой —
Луч бездымного огня.

Не печалься.
Сумрачным зарядом
Не копи в душе беду разлук.
Ты ведь знаешь, я с тобою рядом,
Даже если отлучился вдруг.

Не печалься.
Посмотри, как мчится
Сквозь туманы облачных зыбей
К твоему порогу голубица —
Это моя дума о тебе.

Не печалься.
Я приеду скоро,
Даже очень скоро — и тогда,
Просветляя наши разговоры,
Вспыхнет в доме радости звезда.

Заклинаю

«Совсем седой, а как юнец
Поет любовь» — так за спиной
Моею шепчутся глупец
И хам с душою ледяной.

И пусть болтают что хотят!
Любовь! Покуда видишь свет,
Она превыше всех наград,
Надежнее опоры нет.

Для стариков и молодых
Она — всеильные крыла.
Бывает, подданных своих
В кипенье адова котла

Швырнет —
И не поспоришь с ней:
Попробуй встань-ка поперек!
Никто не знает из людей
Всех тайн ее и всех дорог.

Захочет —
И в себе самом
Откроешь знание языка
Созвездий на небе ночном,
Поймешь наречие цветка.

И пусть я горестен и сед,
Но заклинаю я судьбу:
Пусть осенит душевный свет
Любви — до самой кромки лет
Мою последнюю тропу.

Пролетела пара голубей
Над седою головой моей.
Вспомнилось глубинное село,
Памятная дата юных дней.

Сельский клуб.
На сцене яркий свет.
Ты играешь в пьесе давних лет.
А потом стихи читаю я —
Робкий, начинающий поэт.

Строки те наивные сейчас
Я читать не стал бы, но для нас
Этот в сельском клубе яркий свет —
Правда, дорогая? — не погас.

И напомнив тот огонь живой,
Ставший сердцу точкой отправной,—
Пролетела пара голубей
Над моей седою головой.

Светлое имя

Светлана — имя светлое.

Из высказываний друга

Имя светлое Светлана.
Свет, направленный вперед,
Освещает постоянно
Сердцу, что в дороге ждет.

Не согласны? — и не надо.
А по мне — ему хвала:
В этом имени отрада
Озаренья и тепла.

Да, случается, не спору:
Исчерпав в себе до дна
Тайный свет, от зла и горя
Могут гаснуть имена.

Но когда огонь, сокрытый
В дивном имени, высок,—
Он людской душе защита,
Зло не пустит на порог.

Этот свет, как вешний ветер,
Буйно весел, славно скор,—
Выметает мусор сплетен
И другой словесный сор.

Станет празднично и чисто
И улыбчивей для всех.
В этом имени лучисто
Высветлен словно успех.

И сбываются все планы.
И не полюбить нельзя
Имя светлое Светлана.
Вы поверьте мне, друзья.

* * *

Когда нас молния слепила,
Дождь бесновался обложной,
Хотелось с первозданной силой
Укрыть тебя, назвать родной.

И тщетно рощица старалась
Сплести над нами зонт ветвей.
Стихия злобная пыталась
Ударить нас, да побольней.

Без преступления — наказание.
Моим укрылись пиджаком,
И было общее дыханье
Как бы нещедрым очагом.

И все-таки мы были вместе.
Что в жизни этого важней?
Все грозы, словно злые вести,
Остались в даях прошлых дней.

И с тем же молодым задором
Зову родной тебя, мой свет.
Любимую таким повтором
Нельзя обидеть, разве нет?

Строки влечения

I

Наверно, не узнаю никогда,
Что мне сияет в безднах небосвода.
Непредставима дальняя звезда?
А может, у космического брода
Нетленный василек?
Но чаще мне —
Скрывать не стану —
Кажется отратно:
Твои глаза сияют в вышине
Взволнованно, пытливо, незакатно.

II

Перетерплю и зной, и хлад
На жесткой жизненной тропе,
Пройду любой на свете ад,
Лишь только бы прийти к тебе.

Мучительно бывает так,
Как будто в сердце и вокруг —
Сплошная пустота и мрак.
И вдруг...
О сказочное «вдруг»!..

III

Любовь —
Колодец с журавлем:
Всю воду вычерпал вчера,
А нынче с самого утра
Опять вода живая в нем.

IV

Посмотри в мои глаза:
В них лишь ты,
Одна лишь ты.
И горючая слеза
Не сотрет твои черты.

V

Жажда мучит иногда
Так, что грезится прохлада
И журчащая вода
Высшей на земле усладой.
Если вдруг издалека
Ты услышишь в пору эту
Щебетанье родника,
Лучшего подарка нету.
Припадешь иссохшим ртом
К благодати родниковой,
С каждым чувствуя глотком,
Будто возродился снова.

Пусть сравнения просты,
Но — любимая, послушай! —
Так же воскресила ты
Исстрадавшуюся душу
Мне в тот миг, когда приник

Я к устам твоим, родная.
Вот он, радости родник,
Я живительней не знаю.
И не зря в былые дни
Родилось остереженье:
Родника не оскверни
Даже малым небреженьем.

VI

Лопатой вгрызаемся в землю
И граблями комья мельчим,
Чтоб нашей заботою семя
Откликнулось восходом тугим.

А если проходишь лениво
Ты мимо участка, тогда
На грядке возрастает крапива
И буйно цветет лебеда.

Не правда ль,
Похоже на семьи,
Где без обоюдных забот
И самое доброе семя
Любви сорняками забьет?

VII

— Хороша чужая жена?
Так и ешь глазами своими.
— Что могу я поделывать с ними?
Как цветок весенний она.
Сколько свежей прелести в ней!
Как ее завидую мужу!
— Но твоя, извини, не хуже.
И по виду — куда нежней.

— Что ты! Что ты! Передо мной
Вечно этот образ, дразнящий
Сердце красотой настоящей.
Неужель пройдет стороной?
— Ну, конечно! Если бы мог,
Насладился б не только взглядом,
А сорвал бы этот цветок.
А ведь сам обладаешь кладом.
Эта женщина расцвела
От любви, уюта, тепла
Очага своего родного.
Мог бы, только раскрой глаза,
Ты такие же, право слово,
Дома совершить чудеса.

VIII

Тщетны будут все потуги
Сделать полной чашей дом,
Если в голове подруги —
Ветер. Конопле в таком
Случае не стать куделью.
Можно ль с ветреной женой
Привести к желанной цели
Жизни воз? Супруг любой
Обессилет. Может, нужно
Приглядеться к птицам нам?
Вьют гнездо вдвоем — и дружно.
А наступит срок птенцам,
Не тускнеет никогда
В нем согласия звезда.

IX

Змеи разные. Одна
Ядовита, а другая
Зашипит, тебя пугая,

И в нору скользнет. Она
Ядом не наделена.
Но едва произнесешь
Ты: — Змея! — по телу дрожь,
В сердце — ужас и смятенье
И слепое отвращенье.
Отчего? Что, среди змей
Задушевных нет друзей?

Х

Когда, свирепствуя кругом,
Бушует вьюга по просторам,
Ты можешь в логове одном
Невзгону переждать с матерым.

Когда гроза со всех сторон,
Ты можешь в поисках спасенья
Укрыться с недругом, хоть он
Таит за пазухой камня.

Но не навек метель и мрак.
И наступает в жизни вёдро,
И ты обязан выбрать твердо,
С кем путь разделишь и очаг.

ХІ

Взгляд девичий!
Сколько в нем
Магии и волшебства!
Глянет — обожжет огнем
Так, что сникнешь, жив едва.
А захочет — вознесет
До заоблачных высот.
И низринуть камнем вниз

Может, проявив каприз.
Глаз девичьих волшебство!
Кто бы разгадал его!

хп

— Жизнь научит, жизнь сурово
Преподаст тебе урок,—
Кто не знает это слово,
Опыт дедовских дорог?

Жизнь покажет, жизнь научит
Отличать добро от зла,
Осчастливит и измучит,
Даст пинка — или крыла.

То швырнет на наковальню,
Да под молот, раскалив.
То сыграет беспечальный,
То — безрадостный мотив.

В человеке человечье
Будет возвращать, а ты —
То ли ей пойдешь навстречу,
То ли спрячешься в кусты.

хпп

Не проедешь по морю в телеге,
По земле не поплывешь в челне
И — к земле привязанный навеки —
Просто так не взмоешь к вышине.
Для иного — горнего — полета
Руки тебе мудрые даны.
Будь же окрыленным в час работы

Для любви, для близких и страны.
Если покорится высота,
Ты поймешь,
Что значит — красота.

Любовь моя...

Мое добро, мое мученье,
Мое чистилище, мой ад,
Моей свечи в душе свеченье,
Мой светлый, мой бесценный клад.

Моя печаль, моя морока,
Мой свежий воздух, мой угар,
Моя последняя дорога,
Мой возрожденный к жизни дар.

Мои находки и уроны,
Мое бессилие, мой взлет,
Мой лебедь и моя ворона,
Моя удача, мой просчет.

Мой луч дневной, мой луч заката,
Мой час труда и праздность сна.
Моя любовь, моя, моя ты
Зимой ожившая весна.

ТРИ ВЕТЛЫ

БАЛЛАДЫ

* * *

«Бежит-течет ручей журча.
И дела нет птенцу грача,
Что воду пьет птенец скворца».
Я эту песню про птенца
Услышал в детстве от отца,
И греет душу много лет
Народной песни ясный свет.

Но я предвижу хмурый взгляд:
«Подумаешь, один куплет
Из песни выучил — и рад!»
По мне — пусть что хотят твердят!

Когда б из песен прежних дней
Хранили мы по одному
Куплету в памяти своей,
Мудрей бы стали.
Не пойму:
Коль слово не у своего
Народа братъ — где, у кого?

Учить старающийся нас
От имени народных масс
Всегда найдется лжепророк.
А глянем — и увидим мы,
Что сердце у него — клубок
Коростюю покрытой тьмы.

Я знал таких.
Нет дела им,
Что наши отчие края
Забыли песни соловья,
Что ласточки крылом тугим
Не осеняют дом в селе,
Что исчезают на земле
Дубы, со старины седой
Прославившие край родной,
Что узенькая, как тесьма,
Ползет речушка вокруг холма.
И нету ни ольхи над ней,
Ни пышной ивы — на дрова
Их без зазренья извели.

И лишь напевы и слова
Старинных песен донесли
Речной волны мотив живой,
Пропахший влажною травой
Веселый ветер вдоль лесов,
Многоголосый птичий грай,
Сохатого весенний зов
На весь грибной, медовый край!

Да, не умолк пока пророк,
Что повторяет как урок:
«Как никогда, теперь сильны...
Нам песни новые нужны,
Словесный хлам нам ни к чему...»
Ужель хоть в юности ему
Не доводилось петь весной:
«Когда мы шли тропой лесной,
Навстречу вышел нам олень»?
Забыл ли молодость свою
И в нынешний нелегкий день
Уверен, что у нас в краю
Оленей не было вовек?

Коль так,—
Несчастный человек...

Но всем известно, что народ
Напрасно песнь не запоет.
И если к людям сквозь года
Пробились песни старины,
Они как хлеб и свет нужны —
Благословенная нужда.
И значит, вспомним о своем
Родстве со всей красой земной,
И даже лютою зимой
Услышит иволгу наш дом.

Над пережитым

Пережитое?..
Жизнь так коротка,
Но сколько в ней событий грозных было!
В соседе углядели «кулака»,
И с ним в Сибирь телега покатила.
Я был всего лишь сельским пареньком,
Когда убили Кирова злодеи.
Весть грянула как в ясном небе гром,—
Село вздохнуло, скорбно цепenea.
Повсюду обнаружили «враги»,
Сжималась, как от ветра ледяного,
Душа людская, слушая шаги —
Безумные шаги тридцать седьмого.
Была с востока издали слышна
Седая песнь колымского бурана,
Когда нежданно с запада война
Кровавые взметнула ураганы.

О будни тыла!
Страшная страда!
Дома пусты — ушли на фронт мужчины.
Добро, коль есть крахмал и лебеда.
Вновь затрещала в сумерках лучина.
Победа!..
Велика ее цена.
Все беды отойдут в былые дали?
Зря думали.
Ни малого зерна
Нет в закромах — все из села забрали.

Не показать картин голодных лет.
С трудом деревня на ноги вставала.
Когда в избе вновь появился хлеб,
Как радовались люди крохе малой!
Друг друга стали пылко убеждать:
Еще чуть-чуть — и станем мы богаты,
Такая вскоре будет благодать,
Что все золотые возведем палаты.
Заглавным кличем сделалось «Вперед!».
Все мысли — о грядущем, над вопросом
Не думая, что делается год
За годом здесь, у каждого под носом.
Как будто слепота нашла на всех:
Мельчали урожаи и надои,
А мы опять твердили про успех
И пели песнь про время молодое.
Топтались на полях, зато вперед
Рвались неудержимо на бумаге.
Как будто жизнь не предъявляла счет
За эти искрометные атаки.
И нынче говорить о той поре,
Как о навек минувшей, слишком рано.
Но свежий ветер веет на дворе,
И сходят долгой косности туманы.
И многие из долголетних зол
Мы поименно громко называем.
Мне шестьдесят.
Я страдный путь прошел
По всем ухабам жизни с отчим краем.
Тружусь, насколько сил хватает мне,
Времен и дел благих смыкая звенья,
Чтобы в моем селе, в моей стране
Обильней были всходы обновленья.

Дума о Хузангае

Подумаешь о Хузангае —
И вдруг почувствуешь: вот-вот,
Улыбкой светлою сверкая,
К тебе он дружески зайдет.

И задушевно, как с собратом,
С которым шел к плечу плечом,
Поделится с тобой крылатым,
Рожденным только что стихом.

Навеки верен делу чести,
И в горестный последний миг
Он знамя жизни — знамя песни
Не выпустил из рук своих.

Товарищ доброты безбрежной,
Взыскательный наставник, он
К людским стремленьям и надеждам
Был чутким сердцем обращен.

«Народности ключ родниковый
Питает стих, а если нет —
Запутается ваше слово, —
Учил он, — в закоулках лет».

Сквозь эти мудрые советы
Отчетливо видна была
Душа народного поэта,
Щедра глубинно и светла.

Род Аптрамоновых¹ недаром
Учил дружить нас — навсегда
Сияет русским, и татарам,
И чувашам — одна звезда.

Поэт, бахвальства и гордыни
Не ведавший, в стихах зажег
Душевно греющий поныне
Людского братства огонек.

«Лишь тот, кто вещи пространства
Родного языка постиг,—
Наказывал он,— сможет ясно
Почувствовать родной язык.

Пусть мудрость Байрона и Гёте
Пополнит ваши закрома.
Упорствуйте — и обретете
Уверенность, где свет, где — тьма».

Всегда был Хузангай солдатом.
Оратай благородных нив,
Сейчас, как прежде, с нами рядом
В полях поэзии он жив.

Немало на стезе негладкой
Поэту выпало невзгод.
Вся жизнь его —
От схватки к схватке,
Всегда — сквозь трудности — вперед!

И если пристально всмотреться,
Вся жизнь его и жизнь страны

¹ Семейный клан в одноименной поэме П. Хузангая.

Распахнуто в «Великом сердце»¹
В единстве грозном даны.

И мы гордиться вправе, зная,
Что повсеместно прозвучал
Мой край стихами Хузангая
И многим людям дорог стал.

Знал Хузангай: еще не роща —
Дуб одинокий или клен,
Пусть даже неохватно мощный.
И возвращивал привои он.

Трудился рук не покладая
В день изо дня, из года в год,
Чтоб встала поросль молодая
Дубравною под небосвод!..

Подумаешь о Хузангае —
И вдруг почувствуешь: вот-вот,
Улыбкой светлую сверкая,
К тебе он дружески войдет.

Он — жив! Душевно или гневно,
То как свирель, то как набат,
Нам помогая каждодневно,
В сердцах его стихи звучат.

¹ Поэма П. Хузангая.

У гроба А. Т. Твардовского

Стою у гроба твоего.
Прощанья скорбные минуты...

Однажды не на торжество,
А в будний день Литинститута
Пришел ты вместе с Маршаком.
Вы нашим опусам внимали,
А после ты сказал о том,
Какие дни нас ожидали —
Дни терпеливого труда,
Беспрекословного служенья
Поэзии... Расположенья
К нам делом подтвердил, когда
Открыл нам путь в своем журнале...

У гроба твоего стою.
Прощанья миг...

В моем краю
Лишь через много лет узнали,
Как друга, Якова Ухсяя,
Ты уберег в тридцать седьмом.
Готовила страда лихая
Для Якова казенный дом,
И ты в канун беды бесстрашно
Ему приют надолго дал.
Наверняка поймет не каждый
Сегодня, чем ты рисковал.

Во имя дружбы и добра
Помог на русском появленью
«Нарспи»¹ — чувашского пера,
Возможно, лучшему творенью.
Довел поэмы перевод
Ты до ума рукою точной.
Спасибо, мастер!

Час полночный
С тобой прощанья настает.
Прощай, прощай, поэт-борец!
Навек останешься — я в этом
Уверен — в тысячах сердец
Ты ясным, неразмытым светом.
Останется в нас чистым звуком
Певучий лад твоей строки.
«Я был ему первейшим другом», —
Когда-нибудь твои враги
Заявят, не краснея, людям.

Как принято у чувашей,
Шепчу: «Тебя мы не забудем,
А ты забудь нас — и скорей!
Земля тебе да будет пухом».
И сколько — неизвестно нам —
Людей еще склонятся слухом
К твоим поэмам и стихам.
В созвучиях твое бессмертье.
Неувядаемо свежа,
Как высь и доли на рассвете,
В них светится твоя душа.

¹ Поэма чувашского классика Константина Иванова.

Красная нить

Лицо в слезах. Изломан рот
Бедой. Сиротский взгляд.
Ей только двадцать первый год,
И черный вдовый плат
Тем горше выглядит на ней,
Что слишком молода.
Свела всех близких и друзей
В печальный дом беда.
Солдата привезли домой
С афганской стороны,
Где этот воин молодой
Познал кошмар войны.
Весь покалечен, жив едва,
Он вскорости угас...

И безутешная вдова
С него не сводит глаз.
На вид спокоен он и строг
И выглядит взрослей.
Недолгий был отпущен срок
Солдату на земле.

А вся земля окрест села
Весенней зеленью цвела,
Звенели трели птах.
Окрашен маревом небес,
Вокруг полей лиловел лес,
Луг утопал в цветах.

И как печали островок
Был овдовевший дом.
Под сердцем ощутив толчок,
Беспомощно кругом
Вдова взглянула:
В страшный час
Прощанья в ней дитя
Очнулось к жизни
В первый раз
От сна небытия.
И нитку красную тайком
За пазуху вдова
Себе вложила.
Испокон
Традиция жива:
Так поступают, чтоб потом,
Придя на белый свет,
Шел красным человек путем,
Осилив темень бед.

А что вдову с ребенком ждет —
Известно наперед:
Не раз слезами изойдет
От сплетенных невзгод.
Найдется человек злой —
На рану кинуть соль
И сделать так, чтоб под золой
Не угасала боль...
Конечно, люди добротой
Ее не обойдут,
Но вырастить дитя одной
Всегда тяжелый труд...

Настал прощанья скорбный срок.
Спи, воин, вечным сном!
Твое дитя — живой росток

Поднимем всем селом.
Мы оградим его от зла,
Все сделав для того,
Чтоб красной нитью пролегла
Стезя души его.

О маме

Подскажите, какими словами
Говорить нам пристало о маме?
Все слова и тусклей и бедней
Наших чувств, наших мыслей о ней.
Нет почетнее званья на свете,
Выше чести — быть матерью — нет...

Все лицо ее частою сетью
Испещрили отметины лет.
Как ни горестны были невзгоды,
Мама внутренним светом светла.
А какую в далекие годы
Обаятельной мама была!
Я смотрю на поблекшие фото.
Сколько трепетной живости в ней!
Люди помнят, как после работы
В хороводах девчат и парней
Не бывало певуньи задорней.
Не от этих ли песен потом,
После маминой свадьбы, просторней
И светлее казался наш дом?
Как следила в семье за порядком!
Сколько раз поклонилась земле —
И полям, и полянам, и грядкам,
Чтобы стол был щедрее в семье.
Руки мамы!
От стирки да кухни,
От безмерных работ полевых
Напряглись узловато, набухли

Потемневшие вены на них.
И по виду груба,
Но к сыновьей
Прикоснется ладони — мягка,
Словно пух, — и повеет любовью
С детства памятного очага.
Ничего нет прекраснее мига,
Чем картина, когда, весела,
С жаром пышущей свежей ковригой
Мама встанет бочком у стола.
И ножом, как ведется, сначала
Крест на корке румяной кладет,
А потом лишь — ни много, ни мало —
Божьим именем хлеб раздает.
И давно повзрослевшие дети,
С детства вынесли мы своего,
Что священней и выше на свете
Хлеба нашего нет ничего.

Почему-то не может забыться,
Как меня она в поле брала.
Наступила пора косовицы.
Мама рядом отведенным шла.
Шла с размахом,
Казалось, так быстро,
Раскрасневшись, легко и без слов,
Словно сыпались с лезвия искры!
Р-раз! — и сноп двуохватный готов!
Мама в поле —
И мы с нею вместе.
Так извечным примером своим
Обучали нас сызмальства чести
И приемам труда вековым.

Замело ее косы порошей,
Приближается жизни зима.

Но не сгорбилась мама под ношей,
И походкой и станом пряма.
Нам пример —
Не копите обиды,
Не сгибайтесь под гнетом невзгод.

В женской поступи тайна сокрыта —
Не идет, словно лебедь плывет.
Проплывет — позабыв про кручины,
Одинаково — юн или сед,
С замирающим сердцем мужчины
Ошарашенно смотрят вослед.

А улыбка?

Ни разу не вспомню,
Чтоб всю хохотала она.
Нет, смеется, прикрывшись ладонью,
Словно чем-то сама смущена.
Смех ее — словно песня при этом,
Будто бы колокольчика звон,
Словно бы освежающим светом
Прояснится в глазах небосклон.

У тебя надо, мама, учиться
Чувству меры, и только в одном
Никогда не узнала границы —
В неустанных занятиях трудом.
И еще одну —
Прочих не легче —
На себя ты работу взяла:
К нашей древней и красочной речи
Уважение нам привила.
Вкус к простому и ясному слову,
Нетерпимость к нечистым словам.
Речь твоя — от дыханья лесного,
От соцветий, припавших к ручьям.

Если б все, чему, сил не жалея,
Учат матери, в нас проросло,
Жизнь была бы намного светлее,
В прах распались бесчестье и зло.
Мама! — краткое слово, а ёмче
Не придумано: в жизнь глубиной.
Мама! — тихое слово, а громче
Не слагалось созвучья страной.
В этом имени —
Вся наша совесть.
И не зря на пространстве земном
Мы, к трудам и сраженьям готовясь,
Этим именем клятву даем.

Три ветлы

У тетки Хведусь у крыльца
Растут три стройных деревца,
Посаженные в дни рождений
Ее сына и дочерей,
Как повелось у нас в селенье
Невесть с каких далеких дней.
Все три ветлы стоят рядком,
Вцепившись прочно
В твердь корнями,
Как бы стволами и ветвями
От бед оберегая дом.
Но тетку Хведусь не спасли
От самой горестной напасти:
Как только дети подросли,
Ушли от дедовской земли
Они искать в столице счастье.
У тетки Хведусь силы нет
Вести хозяйство, как бывало.
И тяжесть пережитых лет
Нести невыносимо стало.
Ей очи выела тоска,
Прямым углом согнула спину.
И кличет мать издалека
Пропавших дочерей и сына.
Но им не слышен этот зов.
И тетка сбивчиво в печали
Считает, сколько же годков
Они уже не приезжали?
И шепчет в пыльной тишине,

Молитвенно вздымая руки:
«Что к кугамай¹ и азанне²
Не едут городские внуки?
Зарежу курицу для них,
Шырттан достану из подвала...»
Но голос тетки слаб и тих
И до столичного квартала
Не долетает — где ему!
И одиночество глухое
Пронизывает все в дому
Необоримую тоскою.

Да, многие из нас однажды,
Откликнувшись на зов судьбы,
Умчались в города бесстрашно
И безоглядно от избы.
Ушли от основного корня
Родства и отчего гнезда.
Разнообразней и упорней
Сельчан скликают города.
Но разве это повод верный,
Чтобы, умчавшись за мечтой,
Рубить бестрепетно и скверно
Связь с деревенской стороной?
Как мы печально преуспели
В забвенье юности своей
И материнской колыбели,
Густого запаха полей,
Ветлы, в честь твоего рожденья
Посаженной отцом.
Она

¹ Бабушка со стороны отца.

² Бабушка со стороны матери.

Тебе в столичном отдаленье
Ужели вовсе не видна?..
А тетке Хведусь в час вечерний
О чем-то шепчут три ветлы,
Сыновней лаской и дочерней
Багряно светятся стволы.
И луч наклонный,
Луч закатный
Касается ослабших глаз.
Старушка смотрит безотрадно
И что-то говорит невнятно,
Неразличимое для нас.

Чертов плевок

Словно воробьиный нос,
Краток день зимою.
Крепнет к вечеру мороз.
Над тропой лесною
Фиолетовая мгла
Уплотнялась быстро.
До ближайшего села
Путь еще неблизкий.
В стылых сумерках едва
Тропка различима.
Глухо ухнула сова,
Возглас нелюдимый
Вспыхнул и затих, вспоров
Снежные подушки.
Поплутав среди кустов,
Встал я на опушке.
Поле в лунном серебре.
Кончились мученья:
На приземистой горе
Огоньки селенья!

Постучался в крайний дом.
Кто-то басовито
Отозвался:
«Что за гром?
Заходи. Открыто».
Посмотрел старик седой —
Что, мол, за прохожий?
«Поппроситься на постой

Можно?»
«Отчего же
Нет? Сам видишь — дом велик». —
Я кругом утайкой
Глянул. Угадал старик:
«Ищешь, где хозяйка? —
И заулыбался вдруг
Широко, от сердца.—
У меня родился внук.
Пестует младенца.
Так что несколько деньков
Я один побуду.
Сам-то, милый, кто таков
И пришел откуда?»
Я ответствовал ему:
«Здесь — в командировке». —
«Вот смотрю — и не пойму:
Вроде по сноровке
Сельский, наш, а вроде — нет.
Что ж, везде работа,—
И при этом хмуро дед
Глянул отчего-то,
Но потом махнул рукой.—
Был бы внук счастливым.
А давай-ка мы с тобой
Посидим за пивом.
Пивом издавна у нас
Отмечали праздник.
И не знали, как сейчас,
Пьянок безобразных.
Распроклятый самогон
На селе не гнали.
И в страду сухой закон
Строго соблюдали.
Как за праздничным столом
Песни пели вволю!..

Неужель навек в былом
Красота застолья?
Нынче пьют —
Аж с ног долой! —
Всякую отраву.
Превращается порой
Встреча в пир кровавый.
Чуть размолвка — в топоры!
А потом кормильцы
Шлют в сиротские дворы
Вести из темницы.
Даже свадьбы дней былых
Вспомнить интересно.
Строг застенчивый жених,
Хороша невеста.
От напевов вековых
Весело и жарко.
Между прочим, молодых
Обносили чаркой.
Веселились млад и стар,
Да под крики «горько»
Молодых вели в амбар
Трезвыми, и только!
На дверях запор узлом
Весело вязали,
Лечь вдвоем,
А встать втроем —
Шумно наставляли.
И рождалась на селе
Детвора здоровой...»

Дед поставил на столе
Пива жбан здоровый.
Слово за слово, шустрой
Потекла беседа.
Оказалось, семь детей —

Целых семь! — у деда.
Приучил всех семерых
Сызмала трудиться.
Каждым из детей своих
Вправе он гордиться,
Но с особой теплотой
Говорил о младшем:
«Мне пора бы на покой.
Пусть бы в доме нашем
За хозяина был он.
Плохо ли — жить вместе?
Но сказал он: «Испокон
Было делом чести
После свадьбы самому
Дом поставить новый».
И срубить избу ему
Удалось толково.
Он работал с каждым днем
Страстней и упорней,
Словно бы не только дом,
Сам он в землю корни
Глубоко пустил и врос
В отчий край навеки,
Словно разрешив вопрос —
Главный в человеке...
И быть может, оттого
Зазвучали песни
В мирном доме у него —
Не слышал чудесней».
Самовар поспел как раз,
И уже за чаем
Разговор пошел у нас.
Часто ли встречаем
Человека, что готов
Слушать терпеливо?
На виду у земляков

Жил трудолюбиво
Этот дед десятки лет
То легко, то трудно.
Темень бед и счастья свет —
Все познал прилюдно.
Поделиться потому
Задушевым словом
Тем отраднее ему
С человеком новым:
«Изначально так пошло
На земле, что вместе
Родились добро и зло,
Честность и бесчестье.
Человек силен добром,
Строит жизнь, а тихо
Умножается кругом
Самосевом — лихо».
«Как бы ни было хитро
Злобное начало,
Все в конце концов добро
Преодолевало».
«Это верно, но вперед
Без преодоления
Тянущих назад невзгод —
Не было б движенья.
Сколько бы дурное бед
Нам ни приносило,
Извести его на нет
Не хватало силы.
Возрождается опять,
И опять глумливо,
Чтобы нам от бед страдать.
Вот, к примеру, пиво,—
Подмигнув, отпил глоток
Дед.— А помнишь, пели
«Выпьешь пива — мир широк»

Мы в часы веселья?»
«Часто пели за столом
Так, что, подпевая,
В лад ходила ходуном
Вся изба хмельная».
«А ты знаешь ли, мой гость,
Сказка есть про пиво?»
«Нет, слышать не довелось».
«Слушай терпеливо...
В давним-давние года
Перекочевали
Наши прадеды сюда.
Видно, эти дали
Предкам по сердцу пришлись.
И, трудясь прилежно,
Строить радостную жизнь
Принялись успешно.
Поднимались их дома,
Полные веселья.
Наполнялись закрома,
И стада тучнели.
И шайтану не могло
Это быть по нраву.
На людей смотрел он зло
Из седой дубравы.
И помощников-чертей
Кликнул для совета,
Как негаданных гостей
Лучше сжить со света.
Веселясь: «Нагоним страх,—
Гукнула орава.—
Сжечь дома, а на полях
Учинить потраву».
«Вряд ли так,— сказал шайтан,—
Жизнь сломаем людям.
Но иной давайте план

Вместе все обсудим.
Человеком обрядим
Одного из наших,
Трудолюбием своим
Уваженье старших
Завоюет, заведет
С молодыми дружбу.
А урочный час придет —
Сделает, что нужно...»

Так возник среди людей
Стоящий работник,
Он до новшеств и затей
Был большой охотник.
Сам работал за двоих,
С песней, да при этом
Он поддерживал других
Делом и советом.
Оказалось через срок,
Что его заботы
Земледельцам были впрок.
Поднимались всходы
Дружные, как никогда.
А когда настала
Урожайная страда,
Места не хватало
Для ядреного овса
И пшеницы ярой.
Строили под небеса
Новые амбары.
От картины от такой
Радуетя сердце.
Полюбили всей душой
На селе пришельца.
И тогда позвали в лес
Черта для доклада:

«Ты в доверье к людям влез,
Большого не надо.
Мир в селе.
Во всем краю
Не услышишь плача.
Принимайся за свою
Главную задачу».

Памятуя про наказ,
Черт явился к людям:
«Скучно на селе у нас.
Неужели будем
Сонно дрыхнуть на печи?
Перемерем от скуки».
«Что же делать? Научи,
Дай нам дело в руки».
«Как развеселиться? Что ж,
В этом нет загадки.
Надобно ячмень и рожь
Пересыпать в кадки.
И залить зерно водой,
Выдержать неделю...»
Молчаливою гурьбой
Земляки глядели
На рассказчика, а тот
Учит терпеливо,
Кто, когда и что берет,
Чтобы сделать пиво.
Сделали...
В большом котле
Пряно дышит сусло.
Каждый пробовал в селе,
Говоря: «Ах, вкусно!»
Черт был рад, как новосел:
«Это не веселье.
Для веселия в котел

Надо бросить хмеля».
Бросили.
И под котлом
Забурлило пламя.
Черт смеется: «Подождем.
Жаркими огнями
Пропитается пускай
Жидкость для порядка.
Как поднимется под край —
Разливай по кадкам».
Черт старался, черт спешил,
Чуть не лез из кожи:
«Хорошо — нектар остыл,
Нужно кинуть дрожжи».
Тут и плюнул в кадку он.
Посудите сами,
Что для пива с тех времен
Сделалось дрожжами.
И напиток забурлил,
Вспенился сильнее,
Словно кто-то запустил
Бешеного змея.
Черта сумрачный плевок —
Хороша закваска!
А лукавый смотрит вбок:
«Пиво будет — сказка!»
Через несколько деньков
Процедили пиво.
Сделал несколько глотков
Каждый торопливо.
«Ах, напиток, ах, хорош!» —
Шепчет ухаь ловкий.
И пошел по кругу ковш,
Да без остановки.
Пиво пенною рекой
Льется без вопроса.

То один, а то другой
Стали как-то косо,
Яростно глядеть вокруг.
Кто-то, как собака,
Крикнул другу:
«Ты — не друг!» —
И затеял драку.
Просвистел в ответ кулак.
Третий неуместно
Взвизгнул:
«Что ты смотришь так
На мою невесту?»
Собутыльника сосед
Вдруг хватил ухватом:
«От тебя покоя нет,
Не хочу жить рядом!»
И поехало-пошло:
Ревность, грубость, зависть —
Все в узлы хмельные зло,
Быстро завязалось.
Кто-то потерял свой дом —
И его лукавый
Уложил одним тычком
В грязную канаву.
Аж до ночи все село
Веселилось люто...

А наутро тяжело
Глянули — как будто
Бились насмерть всем селом
С грозной волчьей стаей.
Все кружится кверху дном,
Не переставая.
Как чужая — голова,
В членах дрожь от зелья.
Оказалось, такова

Силища похмелья.
Черт проклятый тут как тут,
Говорит игриво:
«Муки адовы пройдут,
Пей скорее пиво.
Бочка славная полна.
Горе и обиды,
Если выпьешь ковш до дна,
Будут позабыты...»

Корень старого глубок.
Действует по эту
Пору дьявольский плевок,
Чтоб нас сжить со свету.
Просишь сделать что-нито,
/ Сразу же с ухмылкой
Говорит алкаш: «За то,
Дед, поставь бутылку».
Ты пройди-ка вдоль села:
Водка подчистую
Полнарода извела.
Вот о чем толкую,—
И вздохнул печально дед,
Как от давней раны.—
В каждом есть, конечно, свет.
Надо постоянно
Пробуждать в душе его,
Поддержат всемерно.
Жить на свете без того
Всем нам будет скверно...»

За окном струился снег —
Легкое свеченье.
Дед, спасибо за ночлег
И расположенье.
Мне наутро снова в путь.

Душу предо мною
Вновь откроет кто-нибудь,
Я в ответ — открою.
И у всех важнее нет
Радости в округе —
Как найти душевный свет
И тепло друг в друге.

Жадность

Сказ

Тянет стылый ветерок
На заре туманной.
Под ногой хрустит ледок.
Зябкие поляны
Слушают речной волны
Перезвон хрустальный.
И во всем черты видны
Осени печальной.
Даже солнце над селом
Овекает доли
Лишь остаточным теплом.
Близок невеселый
Срок — метелица-зима
С песней диковатой
Заметет окрест дома
Белоснежной ватой.

И старухе ветхий дед
Говорит уныло:
— Скоро снег. Хотя и нет
Нынче прежней силы,
Надо ехать по дрова.
— Надо, надо, старче,
Заготовить воза два.
Нам с тобой иначе
До весны не дотянуть.
Потрудись на славу!

Дед запряг коня — и в путь,
В древнюю дубраву.
Как светла и хороша
Осенью дубрава!
Тень узорна и свежа.
Смотрят величаво
Златоглавые дубы.
В шапочках из листьев
Бродят весело грибы
По траве искристой.
Манит взор — красней зари —
Ягода, малина.
С солодом ее свари —
Есть рецепт старинный —
Или испеки пирог
Ты с начинкой этой.
Обойди хоть сто дорог,
А вкуснее нету
Ничего!..

В глуши лесной
Собирая сухостой,
Вышел на полянку,
От земли глаза поднял
И оторопело стал,
Выронив вязанку.

Ветви мощные простер
Старый дуб приметный,
А под ним — цветов ковер
Яркий, многоцветный.
И в цветах звенел родник
Празднично и бойко.
Тихо вымолвил старик:
«Чудеса, и только!»
Что еще сказать он мог?

Всюду мир осенний,
А в чащобе — островок
Радости весенней.
Небывалой красоты
Веют свежестью цветы.
Травы — как перина.
За сердце схватясь рукой,
Дед в смятенье от такой
Сказочной картины.
Пересохло у него
В горле, стало оттого
Почему-то страшно.
Но, приободрясь, старик
Все же к роднику приник,
Утоляя жажду.
Сделал только два глотка —
И преобразила
В одночасье старика
Сказочная сила.
Оглянулся, сам не свой:
Что такое случилось? —
Словно бы водой живой
Смыло всю усталость.
Будто в давние года,
Крепки стали руки,
Разом и невесть куда
Сгнули недуги.
Стан согбенный стал прямым,
Чуб — густым и золотым.
Дед повел, как сокол,
Жениховским оком!

...А старуха ждет его:
Обещал к обеду
Быть, а нету деда.
Не случилось ли чего?

Нагрустилась у окна,
Шаль надев на плечи,
И отправилась она
Старику навстречу.
По тропе среди берез
Двигается груженный воз.
У старухи сердце
Успокоилось, но тут
Грянул, как воловий кнут,
Возглас молодецкий:
— Эй, старуха, ты куда?
Не сидится дома?

Охнула она: беда,
Парень незнакомый
Управляет их конем,
Мужнина одежда
Кое-как сидит на нем.
Ужас безнадежный
В душу женщины проник.
Хрипло спросила:
— Кто ты, парень?
Где старик? —
И заголосила.
— Замолчи! Из-за чего
Ты реवेशь белугой?
Неужели своего
Верного супруга
Ты во мне не признаешь?
Я ль тебе не пара?
— Все, что ты мне мелешь,— ложь.
Муж больной и старый.
Где он? Что ты сделал с ним?
— Не пытай мне душу.
Хватит слез. Поговорим
Мирно. Ты послушай...

И старик поведал ей
О лесной поляне.
И она сквозь тыщи дней,
Канувших в тумане,
Позабывшие черты
Парня узнавала.
— Неужели это — ты? —
Наконец сказала.—
Ты такой был — молодой,
Бравый, с кровью ярой.
До чего же мы с тобой
Были славной парой!..
Явлено тебе судьбой
Сказочное чудо.
Знаешь что? Ступай домой.
Жди — я скоро буду...

И старуха побрела,
Сгорбясь, в глушь лесную.
От ствола и до ствола
Тропка легкая текла.
Ветер, озоруя,
Павшей шелестел листвою,
Подвывая глухо.
«Значит, верно, старче мой
Ключ нашел с живой водой», —
Думала старуха.
Наклонясь почти к земле,
По тележной колее
Шла она, нежданно,
Как наобещал ей дед,
Замаячил зыбкий свет
Посреди поляны.
Златоглавый великан —
Дуб мерцает сквозь туман.
А под ним клубится

Струйка светлого ключа,
Беззаботно шебеча,
Как лесная птица.
Умиленья слеза
На поблекшие глаза
Щедро набежала.
И старуха: «Чудеса!» —
Прошептала шало,
Добрела до родника
И припала жадно...

Праздник в доме старика.
Впрочем, разве ладно
Этакого удальца
Старцем звать почтенным?
Разгрузился у крыльца
И заправил сеном
Ясли, хворост под навес
Перенес и строго
Стал поглядывать на лес.
Смутная тревога
Стала им овладевать.
Слишком припозднилась
Суженая. С ней, как знать, —
Вдруг беда случилась?
В чаще мало ли с какой
Встретилась напастью?
Мог бы вспомнить лес глухой
Многие несчастья.
Мгла встает среди кустов,
На пороге — вечер.
И решил в конце концов
Он пойти навстречу.
Вряд ли рассказать потом
Он сумел бы связно,
Как бежал в лесу густом,

Звал жену напрасно.
Тьма текла со всех сторон,
Прелью пахло пряно.
Наконец устало он
Вышел на поляну.

Дуб стоит, но у него
Жалкий вид больного.
Ровным счетом ничего
Нет от родниковой
Сказки, что была здесь днем.
Где родник весенний?
Где веселых птиц кругом
Радостное пенье?
Где зеленая трава?
Где все это? Только
Пахнет ржавая трава
Тягостно и горько.
Где же верная жена?
Кто подскажет, где она?
Глянул — стало плохо:
Под кустом невдалеке
На старушечьем платке
Прикорнула кроха
Двух ли, трех — не больше — лет.
И с потухшим взглядом
Удалец — недавний дед —
Встал с девчушкой рядом...

Что добавить? И без слов
Вам, наверно, ясно:
Из волшебных родников
Пить порой опасно.

Наказ соловья

Благодарю на дню сто раз
Судьбу за божескую милость:
Она соединила нас,
Когда вся жизнь моя замглилась.
Мы снова встретились с тобой
И вспоминаем дни былые.
Для нас был молод шар земной,
И мы — беспечно молодые.
Будь мы поопытней в свои
Года весенние немного,
Иначе пролегла б дорога
Дальнейшей жизни и любви.
Я робок был и мчался прочь,
Почувствовав, что кровь вскипела.
И ты в ту пору мне помочь
Стать посмелее не умела.
И счастлив был соперник мой...
Хоть в сердце чувство не погасло,
Но приутихло, как золой
Припорошенный уголь красный.
Неловко даже вслух назвать
Мне, сколько же десятилетий
Прошло...

Мы встретились опять
И радуемся, словно дети,
Вновь юные припомнив дни.
И в нынешней поре осенней
В нас пробудили вновь они

И прежний пыл, и упоенье.
Понять друг друга не смогли,
Когда мы были молодыми.
Постигнув прелести земли,
Пройдя дорогами крутыми,
Уверенно глядим теперь
В грядущее и знаем точно:
Всё — в нас самих,
В себя поверь —
И вместе дом построим прочный,
Как будто не было и нет
Бесчисленных разлучных лет,
Твое я повторяю имя.
Я счастлив, счастлив!
Ты со мной.
И уголь, подернутый золой,
Вновь красен чувствами моими.
Коль птица зрелая крыла
Расправила уже, до цели
Она домчится, и ни мгла
Ей не помеха, ни метели.
Прости уверенный мой тон.
Не на пустом возник он месте.
Мы будем до конца времен
Всегда вдвоем и только вместе.
И поздней осенью цветы
Прекрасны и неповторимы.
Признайся честно,
Слышишь ты,
Что песни в честь тебя, любимой,
Поет осенний соловей?
Пускай не сам певец,
Пусть даже
Потомок соловья тех дней,
Не узнаёшь ли —
Песня та же.

Что ж, прадеда его наказ
Мы выполнили, встретясь снова.
Открыты все пути для нас,
И к счастью мы теперь готовы.

* * *

Люби извечные страдания...
Кто только не писал о них!
На крыльях сбывшихся мечтаний
Паришь ты в радостном тумане,
Но от уколов болевых
Любовных мук не застрахован.
Любовь — вот жизни торжество.
Кто возразит против того?
Знак нелюбви —
Знак разрушенья
И смерти беспросветный хлад.
Зато любовь —
Путь обновленья,
Единственный путь воскрешенья,
Всегда восход, а не закат.
Любовь — луч радостный и жгучий.
Тьму разогнав, развеяв тучи,
Она в зенит в полночный час
Выводит солнце ради нас.

Люби извечные страдания...
Кто знает, где ее исток?
Кто тайну сердца — в назиданье
Всем остальным — постигнуть мог?
Шуршит ли снег, гудит ли грозно
Несокрушимая гроза,
А у тебя, как будто звезды,
Внезапно заблестят глаза.
А отчего?

Да очень просто:
Прошла лебедушка-краса.
Прошла — и вмиг заколдовала.
Что это?
Может быть, гипноз?
И не страшит тебя нисколько
Ни адов пламень, ни мороз.
И сколько перьев ни сломала
Наука, на простой вопрос
Ответа не нашла: откуда,
Зачем дано такое нам?
На деву смотришь как на чудо,
При этом знаком чуда сам
Становишься...

Любви страданья...
Ты различишь в ночном тумане
Любых столетий и эпох
Влюбленного глубокий вздох.
Глаз не смыкаешь до рассвета,
Разлукой с милою томим.
И повторяешь: счастья нету,
И все слова о счастье — дым.

Дым?..
Но откуда с дивной силой,
Влюбленным сердцем рождена,
Настойчивою вестью к милой
Летит волшебная волна?
И перечеркивая муки
Разлучных дней, ночей глухих,
Встречаются однажды руки,
Сближаются сердца двоих.
И принимая эстафету
Людского рода, на земном
Пути отныне им по свету
Нести огонь любви вдвоем.

С о д е р ж а н и е

КАКИЕ — МЫ?

В путь пора...	4
«Есть мертвая вода, а есть живая...»	5
Обычай	7
Творите жизнь	8
Надежда и терпенье	9
Жить не умею?	10
«Чего нам не хватает? Вечно...»	12
«Для блага отчей стороны...»	14
«С прозрачною песней высокой...»	15
Июнь	17
«Иду вдоль поля в сторону заката...»	18
«Как жадно крохотный росток...»	20
«Жизнь куражилась над нами...»	21
«Парю над равниною пестрой...»	23
«Хотя б однажды видел ты...»	26
«Больше всех на свете надо?...»	27
«Смотрю я с волжской кручи на Остёр...»	29
«С самим собой наедине...»	30
Прохиндей	32
Миниатюры	34
Синицы	35
«Жизнь ни в чем поблажки не давала...»	36
«— Как живете? — мимоходом...»	37
«У каждого наверняка...»	39
Снежная песня	40
Первая бабочка	42
«Люблю вспоминать, как гоняли...»	43

«В мое окно вплыл месяц молодой...»	45
Молитва	47
Не нарушайте	48

МАКОВ ЦВЕТ

«Рождается в душе щемящий звук...»	50
«И мне путь к счастью не заказан...»	51
Открытое окно	53
Свадебная дуга	55
Черемуха	57
«Недолго уголь рдеет под золой...»	58
Верю в это	59
Маков цвет	61
Скажи, красавица	63
Не печалься	65
Заклинаю	66
«Пролетела пара голубей...»	67
Светлое имя	68
«Когда нас молния слепила...»	70
Строки влечения	
I. «Наверно, не узнаю никогда...»	71
II. «Перетерплю и зной, и хлад...»	71
III. «Любовь...»	72
IV. «Посмотри в мои глаза...»	72
V. «Жажда мучит иногда...»	72
VI. «Лопатой вгрызаемся в землю...»	73
VII. «— Хороша чужая жена?...»	73
VIII. «Тщетны будут все потуги...»	74
IX. «Змеи разные. Одна...»	74
X. «Когда, свирепствуя кругом...»	75
XI. «Взгляд девичий!..»	75
XII. «— Жизнь научит, жизнь сурово...»	76
XIII. «Не проедешь по морю в телеге...»	76
Любовь моя	79

ТРИ ВЕТЛЫ

Баллады

«Бежит-течет ручей журча...»	80
Над пережитым	83
Дума о Хузангае	35
У гроба А. Т. Твардовского	88
Красная нить	90
О маме	93
Три ветлы	97
Чертов плевок	100
Жадность. Сказ	112
Наказ соловья	119
«Любви извечные страдания...»	122

Георгий Андреевич Ефимов

ДУБРАВА

Редактор С. А. Еремина
Художественный редактор А. Г. Чуvasов
Технический редактор И. М. Минская
Корректор И. В. Крюкова

ИБ № 7966

Сдано в набор 30.07.90. Подписано к печати 08.10.90. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 4,4. Тираж 5 500 экз. Заказ № 525. Цена 50 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Государственного комитета СССР по печати, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Ефимов Г. А.

Е 91 Дубрава: Стихи, баллады. Пер. с чуваш.— М.: Советский писатель, 1990.— 128 с.

ISBN 5—265—02089—6

Творчество Георгия Ефимова питают самобытные родники чувашского фольклора. Выходец из сельской глубинки, поэт показывает отчие края в годы испытаний — лихолетье насильственной коллективизации и войны, разорение деревни и угасание народных традиций. Тем отраднее видеть ему примеры возрождения вековых ремесел и тягу к духовному самосознанию своих земляков.

Особое место в книге занимает любовная лирика, многие стихотворения которой раскрывают свежесть чувств и нетленность переживаний зрелых людей.

4702710202—396

Е ————— 392—91

083(02)—90

ББК 84 Чув7

50 коп.

